

Часть первая

ЗДЕСЬ

I

На «Северюге»

Про Колобка

яконько, кругленько вкатился Колобок на пароход «Северюга». Выждал, пока на причал наплзет густой клок тумана, весь съежился-скукожился и сделался сам похож на серое облачко. Шмыг к самому краю, да как скакнет на чугунный пал. Просеменил по натянутому, как струна, швартову до борта (для Колобка это была не штука — он раз на спор барыню на канате сплясал), и никто ничего. Здрасьте-пожалуйста, принимайте нового пассажира.

Конечно, не разорился бы и палубный билет купить. Всего-то тридцать пять копеек, если до следующей пристани, города Усть-Свияжска. Но для «разинцев» билет брать — свое ремесло не уважать. Пускай «гуси» с «карасями» билеты покупают.

Прозвище у Колобка такое, потому что маленький, ловкий, шагает мелко, пружинно, будто катится. И башка круглая, коротко стриженная. По бокам лопаточками уши, маленькие, но замечательно слухастые.

Про «разинцев» что известно? Такой речной народишко, собою незаметный, но без него и Река не Река, как болото без комаров. На берегу тоже мастера чис-

6

тить чужие карманы имеются, название им «щипачи», но те публика мелкая, рваная и по большей части приبلудная, нет им за это большого уважения, а «разинцам» есть, потому что они испокон веку.

Про то, откуда это слово взялось, толкуют двояко. Сами они считают, что от Стеньки Разина, который тоже на Реке-кормилице жирных «гусей» щипал. Обыватели по-другому говорят — мол, потрошат раззяв и разинь, оттого и «разинцы».

Сама работа хорошая, Колобку исключительно нравилась.

Сел на пароход, чтоб никто тебя не видал, потерся среди пассажиров до следующей пристани, да и сошел. Что взял — твое, что не смог — пускай себе дальше плывет.

Тут в чем козыри?

По Реке кататься воздушно, для здоровья польза. Это первое. Опять же людей видишь разных, иной раз такое занятное начнут рассказывать, что и про дело позабудешь. Это второе. А главное — ни тебе тюрьмы, ни каторги. Колобок двадцать лет на Реке работал, а что за тюрьма такая и знать не знал, в глаза не видывал. Поди-ка, возьми его с поличным. Чуть что — раз, и концы в воду. Кстати сказать, это про них, «разинцев», поговорка придумана, только остальному народу невдомек. «Концами» называют добычу. А вода — вон она, за бортом плещется. Запалился — кидай «концы» в воду, и нипочем не докажут, Река-матушка всё спрячет. Ну, накостыляют, конечно, это уж как полагается. Только и накостыляют-то несильно, потому что пароходами публика плавает всё больше культурная, деликатная, не то что в приречных селах. Там мужики от дикости и невежества запросто могут вора и до смерти уходить.

«Разинцы» еще себя «щуками» называют, а пассажиров «гусями» или «карасями». Кроме «концов в воду» есть и другая присказка, которую все повторяют, а настоящего смысла не понимают: на то в реке и щука, чтоб карась не дремал.

Первый весенний пароход для «разинца» — самый главный праздник, лучше любого престольного. За зиму освинцовешь без дела, а бывает, что и оголодаешь. Сидишь-сидишь, клянешь зиму-докуку, ждешь весны-невестушки. Иной раз она, желанная, долго ломается, пароходное плавание чуть не до июня стоит, а в этом году весна к Колобку пожаловала совсем молоденькой девчоночкой и не кобенилась нисколько. Такая прильнула жаркая, такая ласковая — до беспримерности. Это же надо, первое апреля, а уже весь лед сошел, и навигация открылась.

Разлив на Реке был широченный, едва берега видать, но «Севрюга» шла строго по фарватеру, на самом малом ходу. Капитан из-за тумана сильно осторожничал, через две минуты на третью давал сипатый гудок: «У-дууу! Отвали-и-и — я иду-уууу!»

Капитану туман в досаду, а Колобку он первый товарищ. Если б можно сговориться — половину навара бы ему, родимому, отдавал, только вали погуще.

Нынче жаловаться было грех, туман расстарался на славу. Плотней всего стелился по-над рекой; нижнюю палубу, где каюты, почитай, совсем укутал; ботдек, где шлюпки и вдоль бортов мешочки-баульщики сидят, то отпустит, то накроет: будто в сказке какой — были люди, и вдруг все исчезли, осталось одно молоко. Выше тумана только черная высокая труба и мостик. Капитану, поди,

там, наверху, кажется, что он не капитан, а Господь Бог Саваоф, и не на «Севрюге» плывет, а парит на облацах.

Все суда речной флотилии товарищества «Норд» назывались по какой-нибудь рыбе, такая у владельца причуда. От флагмана, трехпалубной «Белуги», где каюты первого класса по десяти рублей, до последней буксирной пыхтелки, какого-нибудь «Пескаря» или «Уклейки».

«Севрюга» на линии не из самых больших, но пароход хороший, хлебный. Ходит от Москвы до Царицына. Пассажиры всё больше дальние, которым в Святую Землю или вовсе в Америку. Многие по льготной шифкарте, от Палестинского общества. Колобок сам по морям не плавал, потому что незачем, но знал всё в доскональности.

По шифкарте товарищества «Норд» плавали так: из Москвы по Оке до Нижнего, после по Реке до Царицына, там поездом до Таганрога, а оттуда снова на пароход, только уже морской, и далее кому куда, согласно надобности. Если в Святую Землю плыть третьим классом, всего-навсего 46 рублей 50 копеек. Если в Америку, то, конечно, дороже.

Колобок пока никого не щипал, руки держал в карманах, только глаза и уши работали. Ну и ноги, само собой. Чуть загустеет туман — шарк-шарк на войлочных подметках от одних к другим и вприглядку-вприслушку. Что за люди? Хорошо ль себя блюдете?

Это так нужно: сперва всё высмотреть, изведать, а потом, ближе к пристани, чистенько сработать. И, самое главное, фартовых унюхать. Они тут наверняка трутся, тоже навигации заждались. Это зверье не Колобковой масти. На пароходе дела редко делают,

в ихнем ремесле резону нет. Фартовые на воде только выбирают «гуся», а пух-перья с него после, на берегу берут.

Ну и пускай бы их, не наша печаль, да только беда в том, что фартовые ведь не с финским ножом в зубах ходят, а таятся, тут и ошибиться можно. Вася Рыбинский, уважаемый «разинец», этак вот с одного приказчика котлы золотые снял, а приказчик оказался никакой не приказчик — фартовый человек, из казанских. Сыскали они потом Рыбинского и, конечно, чугунок ему проломил, хоть Вася и невиноватый. Такой у фартовых обычай — невозможно им терпеть, чтоб у них тырили. Пока за срам не расквитаешься, обратно в ихнее общество не показывайся.

Начал Колобок с ботдека. Там пассажир палубный, всё больше голь, но, во-первых, курочка по зернышку клюет, а во-вторых, такой у Колобка характер — что повкусней напоследок оставлять. Он и еду кушал так же. Если, скажем, греча с шкварками, то сначала крупу ложкой соберет, а сало до поры по краешку выложит, красиво. Если щи с мозговой косточкой, то сначала жижу выхлебает, потом капусту с морковкой стрескает, мясо обскоблит и лишь потом мозговую мякоть высасывает.

Значит, отутюжил шлюпочную палубу как положено: с юта на шкафут, потом на бак. Все корабельные слова и тонкости Колобок знал лучше любого матроса, потому что матрос, он парохода не любит. Ему, запынцовской душе, поскорей бы на берег да в кабак, а «разинцу» на корабле всё на пользу, всё в интерес.

На носу, сбившись в кучку, сидели странствующие к Гробу Господню, десятка полтора мужиков и баб, рядом с каждым гордо выставлена суковатая

палка — паломнический посох. Богомольцы ели хлеб-соль, запивали кипятком из жестяных чайников, на прочих путешественников поглядывали надменно.

Ну, так-то уж не задавайтесь, про себя сказал им Колобок. Есть и поблагостней вас. Сказывают, что иные святолюбцы в Палестину не пароходами добиваются — на своих двоих. А как достигнут предела Обетованной Земли, дальше на коленках ползут. Вот она какая, истинная святость.

Всё же не стал трогать божьих странников, отошел. Что с них возьмешь? Само собой, у каждого рублей по пяти припрятано, и достать — пара пуляков, но это уж надо совсем бессовестным быть. А человеку без совести жить нельзя, даже и в воровском деле. Может, в воровском еще больше, чем в каком другом, иначе совсем пропасть можно.

Колобок давно для себя правило вывел, чтоб жилось душевней: если видно, что хороший человек или несчастный какой, с такого «концов» не брать, пускай у него лопатник сам наружу торчит, в руки просится. Резона нет. Разбогатишься, положим, на тридцать целковых, да хоть бы на все триста, а сам себя уважать не будешь. Таких воров, которые себя уронили, Колобок много видал. Дрянь люди, душу за мятые рублевтики продали. Разве уважению цена триста рублей? Нет, шалишь. Может, таких денег и вовсе на свете нет.

Около немцев-колонистов потерялся основательно. Эти, надо думать, в Аргентину собрались, такая у них, немцев, сейчас мода. Вроде им там земли дают, сколько хочешь, и в солдаты не берут. Немец, он вроде жида, нашему царю служить не любит.

Ишь, палубные билеты взяли, куркули. Деньжата у колбасников есть, но больно прижимисты.

Сел Колобок под шлюпкой, послушал немецкий разговор, да только плюнул. Говорят, будто дурака валяют: гук-маль-ди-да.

Один, красномордый, докурил трубку, положил на палубу, близехонько. Ну, Колобок не устоял, прибрал хорошую вещь, не стал на после откладывать. Сейчас-то туман, а потом еще неизвестно как повернется.

Трубку рассмотрел (из фарфора, с малыми фигурками — заглядение), сунул в тыльник, холщовый мешок на веревке — под мышку вешать.

С почином.

Дальше духоборы сидели, вслух божественную книжку читали. Этих Колобок не тронул. Знал — в Канаду едут. Люди тихие, никому от них никакой обиды, за правду терпят. Писатель граф Толстой за них. Колобок читал одну его книжку, «Сколько человеку земли нужно». Смешная — про то, какие дураки мужичье.

Ладно, духоборы, плывите себе, Бог с вами.

Со шкафута и до самой кормы сплошь жида пошли, но тоже не толпой — кучками. Это Колобку было не в диковину. Знал он: такая это нация, что промеж себя всё грызутся.

У них, как и у наших, первый почет тем, которые в Палестину плывут. Колобок постоял, послушал, как «палестинский» жидок гордился перед «американским». Сказал ему: «Мы, не в обиду вам сказать, едем за духом, а вы за брюхом». «Американец» стерпел, отбrehиваться не стал, только голову повесил.

У «палестинского» Колобок вынул из кармана складной метр, портновский. Невелик навар, но можно Глаше-вдове подарить, она бабам юбки шьет, спасибо скажет. У «американского» взял часы. Барахло часы, медные, рублишка на полтора.

Прибрал добычу в мешок и затесался в кучумалу пейсатых парней, галдевших кто по-своему, но большинство по-русски. Все тощие, кадыкастые, голоса писклявые.

Галдели они, потому что к ним с каютной палубы раввин поднялся, жидовский поп. Вот они к нему и кинулись.

Поп был собой видный, в шапке с меховой оторочкой, в пиджаке до колен. Длинная седая борода, пейсы — как еще две бороды, густые брови — будто две вовсе маленьких бородачки. Обступили его жиденята и давай жаловаться. Колобок тут как тут — ему чем тесней, тем вольготней.

— Ребе, вы говорили, мы поплывем, как Ноевы избранники на ковчеге! А тут какой-то *хойшех!* — пищал веснушчатый еврейчик. — Кого здесь только нет! Мало этих *американеров*, так еще *атикойресы** — сионисты, и гои, пожирающие свиной жир [это он про немцев, догадался Колобок], и даже — тьфу на них! — гои, прикидывающиеся евреями!

— Да-да, «найденыши»! И с ними, говорят, сам ихний пророк! Про которого вы страшное говорили! — подхватили другие.

— Мануйла? — сверкнул глазами раввин. — Он здесь? Хвост сатанинский! Смотрите у меня! Блиско к нему не подходить! И к «найденышам» тоже!

---

* Апикойрес — безбожник (*идиш*).

Один из жалобщиков пригнулся к поросшему седыми волосками уху и зашептал, но не так чтобы тихо, Колобок слышал каждое слово.

— А еще, говорят, *эти* здесь. «Христовы опричники». — Слова были произнесены жутким, свистящим шепотом, и все прочие сразу примолкли. — Убить нас хотят! Ребе, они не выпустят нас живыми! Лучше бы мы остались дома!

Про «христовых опричников» Колобок в газете читал. Давно известно, что в иных городах, где у людей дела мало, а злобы много, чуть какая оказия, сразу кидаются евреев бить. Чего ж не побить, не пограбить, если начальство дозволяет? Но кроме обычных громильщиков с некоторых пор завелись еще какие-то «опричники», люди серьезные, которые поклялись жидам и ихним потатчикам спуска не давать. И вроде бы уже убили кого-то — адвоката какого-то и еще студента. Адвоката ладно, все они жиганы бесстыжие, но студент чем им помешал? Поди, тоже отец-мать есть.

Ладно, это дела дальние. На Реке-матушке, слава Тебе, Господи, ни «опричников», ни погромов отродясь не бывало.

Пока жиденята шумели, Колобок одному-другому-третьему по карманам прошелся, но всего злата добыл пятак да двугривенный.

А еврейский поп послушал-послушал да как ногой топнет.

— Молчать!

Стало тихо. Старичище очки с носа сдернул и сунул в карман (блеснула оправка — никак золотая?). Вынул из другого кармана пузатую книжицу в кожаном переплете, раскрыл. Грозно заклёхтал что-то по-своему, а после повторил по-русски, — видно, были тут жида, которые собственное наречие не довольно понимали.

— «И сказал Господь Моисею: «Доколе злому обществу сему роптать на Меня? Ропот сынов Израилевых, которым они ропщут на Меня, Я слышу. Скажи им: живу Я, и все вы, которые роптали на Меня, не войдете в землю, на которой Я клялся поселить вас». Слыхали, что сказано Моисею, малoverы?

Со своей белой бородой, с поднятым кверху пальцем он и сам был похож на Моисея с картинки, какую Колобок видал в Библии.

Все поклонились. И Колобок тоже согнулся. Просунул руку между двумя впереди стоящими. Рука у него была особенная, почти что вовсе без костей, на хрящевом ходу. Изгибаться могла по-всякому, а если надо, то и удлинялась сверх всяких человеческих возможностей. Этой своей замечательной рукой Колобок дотянулся до раввинова кармана, мизинчиком подцепил очки и присел на корточки. Уточкой, уточкой — шмыг в туман.

Очки попробовал на зуб. Ей-богу, золотые!

А еврейский поп грохотал из-за согнутых спин:

— Не будь я Арон Шефареvич, если не изгоню всякого, кто будет роптать и малодушествовать! Посмотрите на себя, глисты сушеные! На что вы сдались «опричникам»? Да кому вы вообще...

Не стал Колобок слушать дальше, убрался от греха.

Туман совсем заплотнел, еле-еле перила видать. Вдоль них-то «разинец» и заскользил.

У-дууу!!! — оглушительно загудело наверху. Значит, рубка тут.

А как пароход отдуделся, донеслись до Колобковых ушей странные слова.

Кто-то впереди выводил нараспев:

Дыханье дав моим устам,
Она на факел свой дохнула,
И целый мир на Здесь и Там
В тот миг безумья разомкнула,
Ушла — и холодом пахнуло...

— Брось завывать, Колизей, — оборвал другой голос — резкий, насмешливый. — Лучше мускулатуру укрепляй. На что я тебе раббер-болл давал?

С левого берега дунуло ветром, и пелена вмиг попрозрачнела. Колобок увидел под лесенкой рубки целое собрание: парни сидят, человек двадцать, и с ними две девки.

Чудная была компания, нечасто такую увидишь. Среди парней много очкастых и кучерявых, да и носастые есть — по виду вроде еврейчики, а вроде и нет. Очень уж веселые, у всех рот до ушей. Один постарше, плечистый, под распахнутой блузой тельняшка, в зубах трубка. Не иначе морской человек, вот и борода без усов — это моряки так бреют, чтоб угольком из трубки не подпалиться.

Еще чудней были девки. Верней, не девки — барышни.

Первая тоненькая, белокожая, глазищи в поллица, но волосы, дурочка, зачем-то по-мальчишьи обстригла. А волосы знатные, густые, с золотым отливом.

Вторая низенькая, кругленькая, а одета — умо-ра: на голове белая полотняная шапка с маленькими полями, вместо юбки короткие штаны зеленого цвета, так что ноги все на виду, обута в белые шкарпетки и необстоятельные тапки на кожаных ремешках.

Колобок аж глазами захлопал от непривычного зрелища. Надо же — и лодыжки видно, и толстые ляжки, все в цыпках от холода.

